

Мёд воспоминаний

В недалёкое советское время биографию Анастасии Ивановны Решиковой наверняка начали бы так: «Она – ровесница Октября». Этими словами и я начну повествование о жизни человека удивительной скромности и ничем не запятнанной совести. Живительные уроки человеколюбия остались в душах всех, кого Анастасия Ивановна учила и воспитывала в Окино - Ключах и Бичуре, в Малом Куналее, Сухом Ручье, в Бичурском детском доме, везде, где она оказывалась с семьей по приказу «свыше». Имя учителя с благодарностью называют бывшие ученики, первым из которых уже далеко за семьдесят. Вряд ли они, да и многие коллеги знали, какой груз прожитых лет носит в душе эта приветливая улыбчивая женщина, не лишённая тонкого юмора, какие удары судьбы пришлось ей пережить. В неспешной беседе со мной, состоявшейся 12 лет назад, Анастасия Ивановна сдержанно говорила о себе, не кляня при этом ни людей, ни судьбу. Больше – об учениках и воспитанниках, рядом с которыми прошла её жизнь. Впрочем, не рядом, а вместе с ними.

У каждого из нас – своя периодизация жизни. У людей старшего поколения она укладывается в короткую формулу: до войны, в войну и после войны.

ДО ВОЙНЫ

«Мы все, 11 детей Ивана Прокопьевича и Ангелины Петровны Решиковых (за исключением двух младших сестёр) – уроженцы села Усть-Урлук Красночичойского, ныне – Кяхтинского района. Сегодня из нашей большой и дружной семьи остались двое: я и старшая сестра Мария Ивановна, учитель-ветеран (она проживала и скончалась в Кяхте – **Н.К.**). Наш дед был священнослужителем. Папа закончил Иркутскую церковно-учительскую семинарию.

Здесь он получил прекрасное по тем временам образование, так как, кроме теории и практики богослужений, преподавали традиционные предметы средней школы, в том числе музыку, рисование, обучали различным ремеслам и методике преподавания. Отец вырос с мачехой, люто ненавидевшей неродных детей, и может быть, потому в нашем родительском доме царили любовь и доброта, почитание старших и забота о младших. Папа стал родоначальником учительской династии. В 1924 году его перевели из Усть-Урлука в Кяхту заведующим детским домом, а через шесть лет в Усть-Киран преподавателем математики школы крестьянской молодежи (ШКМ). Мы рано лишились мамы, на руках отца осталось восемь детей. Наша незабвенная мама! В своё время она

окончила гимназию, была умна и добра. Почему-то больше всего запомнились вечера, когда мама читала и пересказывала нам книги: классику, приключения. Рассказывают, когда венчались наши родители, у мамы погасла свеча. Батюшка шепнул отцу: «Если через год после смерти жены не умрёшь, то умрёшь через 10 лет». Так и случилось. Мама скончалась в тридцать втором, папа в сорок втором. А тот день, когда мама то ли от малярии, то ли из –за ошибки врача ушла из жизни, папа пошёл в школу, чтобы сообщить о беде и...не мог найти туда дорогу. Моя учёба началась в 1925 году в так называемой районной опорной школе (РОШ). В пятом классе я уже была культармейцем, обучала взрослых в ликбезе. Окончила ШКМ и хотела идти работать, но отец настоял и отправил в педтехникум, который был только что переведён из Улан-Удэ в Кяхту. И вот в руках аттестат на звание учителя начальной школы и приказ за №103(531) по Наркомпросу о направлении в Окино- Ключёвскую неполную среднюю школу. Здесь прошли первые пять лет моей работы. Большинство учителей были приезжие, причём мужчины: Унтеров, Куфтин, Толкачёв, Козлов. Позже их всех забрали в армию. Вернулись ли они с войны? Работали Василий Ефимович Соболев, Елизавета Михайловна Коробенкова. Жизнь учителей 30-х годов была непростой, но насыщенной. Учителя – единственные просветители на селе. Местное население любило учительскую самодеятельность.

Как-то ставили водевиль «Шестеро любовников» (в репертуаре была и «Свадьба в Малиновке»). Я участвовала во всех постановках. Моя роль – счастливая не веста. Помню такой диалог: – Что такое любовь? – спрашивает моя героиня у немолодой женщины.

– Как тебе объяснить. Вот у меня пятеро сыновей. Они рождены от любви. В перерыве спектакля мой партнёр по сцене Фёдор Козлов спрашивает: «Ася, что это они (зрители) весь вечер жуют? Прямо как коровы жвачку». Я рассмеялась: «Это и есть жвачка. Только называется сера». Он не перестаёт удивляться: «Главное, они её не глотают». В Окино -Ключах я вышла замуж за Евгения Тимофеевича Веретельникова. Вскоре его, преподавателя географии, переводят в Бичуру заведующим районо, позже директором Малокуналейской, Бичурской школ, и мы семьей, с сыном Валерой и дочерью Инной переезжали с места на место. Работая в разных коллективах, с разными детьми, я убедилась: нет плохих детей. Есть запущенные, брошенные, обиженные, несчастные, но на свет они родились для счастья. А тут война.

ВОЙНА

Первая мобилизация проходила во дворе двухэтажной Бичурской школы. Слезы, гармошки, лошади, дети, военные – так запомнились массовые отправления на фронт 1941 - 44 гг. У меня был первый класс: Мага Пруткоглядова, Слава Жеребко, Тася Мингалёва, Тамара Пичугина, Филипп Селиванов Дети открытые, умные, добрые. Война сделала их по-взрослому серьёзными. Помню, не пришёл в школу наш Филиппок (это ласковое имя

«пристало» к Филиппу Селиванову после чтения толстовского рассказа). Дети до урока бегут ко мне: «Филиппок не пришёл». – «Подождём, дети», – говорю. Через 10 минут они снова: «А он, наверно, заболел». А он не заболел: ему просто не в чем было идти в школу. Дети мерзли и голодали. Идя на занятия, несли щепочки или полешко дров. Хлеб мы им делили по 50-70 граммов. У кого кровь из носа пойдёт – положишь на лавочку. Однажды так случилось с Магой Пруткоглядовой. Дети притихли, боятся пошевелиться. Потом кто-то жалобно: «Мага, ты живая?». Осенью после уроков брали тряпичные сумочки и шли на гору на колхозное поле собирать колоски. Представьте себе: голодные ребятишки без разрешения горсти зерна не съели: «А можно хлеба поесть?». – «Можно. Ешьте сколько хотите. Потом собирать будем». Одна девочка шелушила, шелушила колоски и вдруг как заплачет. «Дуся, что с тобой? Ты не подавилась?». А она давится слезами: «Мы тут хлеб едим, а папка там, на фронте, может, голодает». У всех слёзы, я вместе с ними плачу. А Филипп так серьёзно: «Мы много-много хлеба насобираем и пошлём туда».

Приходили американские посылки. Носки, галстуки, шляпки с перьями и стеклярусом, иногда детские туфельки. Только что доставалось детям? Ходили глухие слухи, что луч шее оседало у районного начальства и их жён. Не было игрушек – пилили кубики. Не хватало учебников – один на 5-7 человек. На класс единственная коробка цветных карандашей. Учебники, тетради, игрушки отправляли в освобождённые районы Украины, ленинградским детям. Своих детей Валеру и Инну иногда приходилось брать на работу. Помню, читаю рассказ про собачку, а Валера, игравший за доской кубиками, на четвереньках оттуда выползает и «тявкает»: «Ав, ав, ав!». На перемене дети вокруг печки. Любили песню «Варежки»: Может в Витебске, может в Рязани. Не ложились девушки спать. Много варежек тёплых связали, Чтоб на фронт их в подарок послать. А я слушала и изо всех сил старалась ничем не выдать себя: три моих брата погибли в войну. Ваня, которого я провожала в армию из Окино-Ключей (он и Николай, младшие, жили у меня), погиб в Сталин граде, Коля – в Латвии в самом конце войны, а старший, Прокопий, – пал под Ленинградом.

Жизнь в школе не замирала. На вечерах старшеклассники и учителя ставили спектакли, выступал хор. Эмилия Карловна Яржомб работала в школе техничкой, поваром. Она, потерявшая мужа в 37-м году, самозабвенно любила свою единственную дочь. Помню, мы с Эмилией Карловной варили мыло из костей и собачьего жира. Запах невыносимый. А что делать? Потом резали это мыло на зеленые брусочки. Несмотря на войну, пытались скрасить жизнь детей, устраивали елки. Всех учителей-мужчин проводили на фронт. Остались одни инвалиды: Александр Андреевич Ананьев – без руки, Федор Яковлевич Шолохов – без ноги, у Ев гения Тимофеевича Веретельникова – один глаз. Ходила про них невесёлая шутка: «Живут по Большой улице три друга. У них на троих 5 рук, 5 ног и 5 глаз». Жилось нам как всем. Два раза в год учителям давали под зарплату по центнеру- полтора зерна. Бичурская школа была прикреплена к колхозу им.

Кирова (Старая Бичура). Мололи зерно на ручной мельнице. Отпусков все четыре года войны не было. Зарплата шла в фонд обороны. Подписывались на займы, вели агитационную работу. Я избиралась депутатом Бичурского сельсовета, народным заседателем. Но пришёл конец и войне.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Четыре послевоенных года работала заведующей Сухоручьёвской начальной школы. Одежды у детей по прежнему нет. Ходят кто в материнских пиджаках, кто в отцовских сапогах. Один в первую смену идёт – другой на печке сидит, ждёт. У меня остались самые тёплые воспоминания о людях этой маленькой деревни. Летом 1951 года первый секретарь Бичурского райкома партии Алексей Иванович Попов «сагитировал» меня на работу воспитателем в Бичурский детский дом. Тогда в районе были открыты три детских дома, один из них в Окино- Ключах, для трудновоспитуемых. Трижды вызывали в райком. В последнюю встречу Алексей Иванович сказал: «Я расскажу вам всё, как есть, обо всех ужасах, которые царят в детдоме, а там уж как реши те. Здесь дети погибших на фронтах, угнанных в Германию, расстрелянных в оккупации. Есть брошенные, потерянные, те, у кого родители в тюрьмах. Много ослабленных, больных и дистрофиков. Работа развалена. Утром придёте на подъём – в спальнях никого нет. Все по окрестным огородам: есть -то хочется. В столовой вас встретит гро хот — «дрынь, дрынь, дрынь»: железными ложками по железным тарелкам. Белья, одежды нет: рубашку, майку меняют на лепёшку, горбушку хлеба». Я сдалась... Тогда сменили всё руководство. Директором назначили Полину Артемьевну Бухольцеву, завучем – Гавриила Григорьевича Тюрюханова. Воспитателями работали Надежда Ивановна, Любовь Михайловна Фомина. Пионер вожатая Серафима Николаевна Рыжова, медсестра Александра Ивановна. В столярной и швейной мастерских детей обучали Тихон Мартемьянович Афанасьев и Вера Васильевна Костюнина.

Детдом находился в бывшем здании Бичурской восьмилетней школы №3. На первом этаже – столовая, пионерская комната и учебные кабинеты. Дети с 1-го по 4-й класс учились здесь же. Преподавали Мария Ивановна Полонова и Лидия Федосеевна Афанасьева. На втором этаже – комнаты для занятий и спальни на 25-30 человек. Зайдёшь – сплошные кровати. Работали с утра до ночи и ночью тоже. Первое время приходилось собирать воспитанников по чердакам. Собственные дети на попечении свекрови Марии Дмитриевны.

Светлая ей память! Жили мы здесь же, в доме, перегорожен ном тонкой дощатой «перебор кой». Во второй половине квартировали три молодые воспитательницы. С чего начать? Дети обиженные, агрессивные. Позже рассказывали: заложат в чан продукты, а жена бывшего директора придёт, вычерпает, что погуще, унесёт домой. Еда до детей не доходила. И впрямь – кому война, кому –мать родна. У нас, кажется, поножовщины не было. А в Большелугском детдоме вечером отберут ножи – утром опять у всех есть.

«Лидеры» запугивали слабых. Привезли из Кяхтинского дет дома Русина Володю. Он в пионерском галстуке. Назавтра галстука нет.

– Володя, где галстук?

– Не знаю.

– Как не знаешь? Вчера же был. Молчит. Оказалось, ему по ставили условие: выбьешь все стёкла на чердаке – будешь «наш». Провели экстренное собрание и сразу пятерых отправили в детскую колонию. Процветало воровство. В шкаф положишь бельё, замкнёшь. Утром всё сломано. Я не стала закрывать шкаф. Ключ оставляла в дверце. Ломать перестали.

Посадили огород, развели кроликов, привезли первую партию одежды. И поставили условие: если на чердаке не будет выбито ни одного стекла, – купим велосипед. В общем, работали по Макаренковской системе, меньше всего, конечно, думая о «системе». Воспитатели и воспитанники проверяли друг друга. Тогда все стёкла на чердаке остались целы. Велосипед купи ли. Это было событие. И снова: «Если, ребята, вы... то...». Появились шахматы, шашки, баян – за первое место на смотре самодеятельности. Дети медленно, но менялись.

Построили баню. Я принимаю детей. Они вертятся: «А я чистенький?», «А я?». Вечером в спальне, помня мамины уроки, читаю, пересказываю детям. Я и сегодня многое помню наизусть из классики. Перед сном поправишь одеяло, кого просто погладишь. Слышишь: «А ко мне не подошли»... Оттаивали сердца детей. Нашёл на них азарт соревнования: чья комната, спальня чище. У меня всегда были группы мальчиков. Воспитательницы просили: «Возьмите мальчиков, у вас получается». Девочки ходят с ваткой – проверяют санитарное состояние. А мои мальчишки рады стараться. У всех коечки заправлены безукоризненно. К новому году наша группа получила первое место за оформление. Ещё бы! У нас такой художник – Боря Тубанов! Подсинённую марлю так разрисовал – все приходили смотреть. Немало было детей талантливых. К примеру, Ахметшин Сагит стал впоследствии отличным пианистом. Дети разных национальностей жили как одна семья. Жора Ли Лу – китаец, Сагит – татарин, Иванов – цыганёнок. Игры у детей военных лет тоже были военные. Помню, Витя Тютрин и мой Валера под грохот барабана «хоронили» Гитлера. Дети были большие мечтатели. Отец Темникова Вити воевал в морфлоте, и у мальчика была мечта – стать капитаном. Но самой большой мечтой детей было: «Вот приедет за мной мама или папа»...

Увы, кажется, ни одного ребёнка мама или папа не забрали. Однажды Володя Русин попросил меня написать письмо маме. Я написала, отправила. Получаю ответ, показала воспитателям. Мать пишет: «Что вы меня беспокоите? У меня муж и двое детей. Я не хочу, чтобы они знали ещё про кого-то». Мы ничего не сказали ребёнку. А он ждёт, заглядывает в глаза: «Давайте напишем снова». Второй ответ был таков: «Не вмешивайтесь в мою жизнь. Он мне не нужен». А мальчик – добрейший человек, шахматист, отличник. Что делать?

Пришлось сказать правду. Как он плакал! «Я вырасту, буду работать, разыщу её и скажу: «Ты мне не мама». Володя Русин не пропал в жизненном море. Он стал

профессором, живёт в Москве. А вот другая история. Мама Вити Самсутдинова прислала ласковое письмо сыну из тюрьмы: «Сынок, прости меня. Мне осталось сидеть немного. Выйду, возьму тебя к себе. У нас всё будет хорошо. Больше мы никогда не расстанемся. Слушайся воспитателей. И не воруй, сынок». Когда нас расформировывали, дети плакали. Я привезла в Прибайкальский район к родителям Лёню Фирсова, мальчика способного, но упрямого. Помню, как-то с трудом убедила его идти сдавать экзамен по математике в четвёртом классе. Решил за 15 минут. И вот он дома. В доме грязь, какая-то неустроенность. Ребёнок не хочет оставаться с матерью... Как сложилась его судьба, к сожалению, не знаю. У каждого воспитанника свои проблемы – большие и маленькие. Однажды приходит девочка: «Анастасия Ивановна, я очень страшная?». (Она приехала из санаторного детдома. Лицо в прыщах, и это её мучило). – «Ты симпатичная девочка. Это всё с возрастом пройдёт. Ты рукодельница, умница, общественница. Откуда ты взяла?» – «Мама так считает. Поэтому я ей не нужна». И опять слёзы. Детям нужна мама. Мы старались находить тропинки к их сердцам. Но что скрывать, прозвищами наши воспитанники наделяли всех – от директора до сторожа. Уже спустя годы спросила я у одной взрослой – дважды мамы – воспитанницы: «Галя, скажи, какое прозвище было у меня?». И она ответила: «Наша Ма». Надо ли мне что-нибудь добавить к этому?

Нелли Коробенкова,